

Адаптация шкалы реактивного сопротивления Мерца—Хонга на русскоязычной выборке

Ничко Н.В.

**ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»
(ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-6637-9238>, e-mail: st070237@student.spbu.ru**

Гуриева С.Д.

**ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»
(ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4305-432X>, e-mail: s.gurievvasv@spbu.ru**

Цель. Адаптация шкалы реактивного сопротивления Мерца—Хонга на русскоязычной выборке.

Контекст и актуальность. Мир уже не будет прежним, а мы не останемся такими, как были раньше. Пандемия и последствия экономического кризиса оказали мощный импульс к изменениям в российском обществе, функционировании организации, в привычном образе жизни людей. Теория реактивного сопротивления помогает объяснить эти изменения и реакции, рассматривая их как ответ на угрозу личной свободе со стороны внешнего воздействия. Изучение теории способствует разработке эффективных стратегий коммуникации и управления поведением в новых реалиях. Применение адаптированной версии шкалы реактивного сопротивления Мерца—Хонга позволит восполнить дефицит русскоязычных психометрических инструментов, предназначенных для теоретического и эмпирического изучения реактивного поведения, поможет лучше понять процессы психологического влияния и сопротивления.

Дизайн исследования. Исследование проводилось с помощью сервиса Online Test Pad в 2024 году.

Участники. В пилотажную выборку вошли 32 респондента, финальную выборку составили 218 респондентов: 61 мужчина (28%), 157 женщин (72%) из разных регионов Российской Федерации. Возраст — от 18 до 75 лет, $M = 35,2$, $SD = 13,3$; больше половины имеют высшее образование (64,8%).

Методы (инструменты). В качестве основы опросника использована модель реактивного сопротивления С.-М. Хонга. Выполнялась проверка связей с социально-демографическими показателями, внутренней согласованности, ретестовой надежности. Внутренняя согласованность оценивалась расчетом коэффициентов альфа Кронбаха и омега Макдональда, факторная структура — при помощи проведения конфирматорного факторного анализа, методом главных компонент с вращением varimax. Для обработки данных использовались SPSS 26.0 и Jator 2.6.2.

Результаты. Получена четырехфакторная структура шкалы, альфа Кронбаха = 0,812, ω Макдональда = 0,821. Ретестовая надежность спустя 4–5 недель (48 человек), r -Пирсона = 0,746 ($p = 0,01$). С помощью конфирматорного факторного анализа получена модель со следующими показателями: CFI 0,931; TLI 0,906; SRMR 0,053; RMSEA 0,059; нижняя 0,04, верхняя 0,078.

Основные выводы. Несмотря на множественную критику оригинальных шкал Мерца и Хонга, нами получена хорошая промежуточная модель, которую можно использовать как методический инструмент, однако в дальнейшем необходимы доработка и проверка ряда показателей на расширенной выборке.

Ключевые слова: реактивное сопротивление; шкала реактивного сопротивления; конструктивная валидность; тест-ретестовая надежность; внутренняя согласованность.

Для цитаты: Ничко Н.В., Гуриева С.Д. Адаптация шкалы реактивного сопротивления Мерца—Хонга на русскоязычной выборке // Социальная психология и общество. 2025. Том 16. № 1. С. 193—211. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2025160111>

Adaptation of the Mertz-Hong Reactance Scale in a Russian-speaking Sample

Nikita V. Nichko

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-6637-9238>, **e-mail:** st070237@student.spbu.ru

Svetlana D. Gurieva

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4305-432X>, **e-mail:** s.gurievasv@spbu.ru

Objective. *The article presents the results of adaptation of the Mertz—Hong reactance scale on a Russian-speaking sample.*

Background. *The world will no longer be the same, and we will not remain as we were before. The pandemic and the consequences of the economic crisis have provided a powerful impetus for changes in Russian society, organization functioning, and people's habitual way of life. The theory of reactive resistance helps to explain these changes and reactions, seeing them as a response to the threat to personal freedom from external influences. The study of the theory contributes to the development of effective strategies for communicating and managing behavior in new realities. The use of an adapted version of the Mertz—Hong Reactive Resistance Scale will help fill the deficit of Russian-language psychometric instruments designed for the theoretical and empirical study of reactive behavior, helping to better understand the processes of psychological influence and resistance.*

Study Design. *The study was conducted using the Online Test Pad service in 2024.*

Participants. *The pilot sample included 32 respondents, the final sample included 218 respondents: 61 men (28%), 157 women (72%) from different regions of the Russian Federation. Age from 18 to 75 years, $M = 35,2$; $SD = 13,3$; more than half (66,5%) have higher education.*

Measurements. *The reactive resistance model of S.-M. Hong was used as the basis of the scale. The correlations with socio-demographic indicators, internal consistency, and test-retest reliability were checked. Factor validity was verified by the method of principal components with varimax rotation and confirmatory factor analysis. SPSS 26.0 and Jamovi 2.6.2 were used for data processing.*

Results. *A four-factor scale structure was obtained, Cronbach's $\alpha = 0,812$; McDonald's $\omega = 0,823$; Retest reliability after 4-5 weeks (48 people), Pearson's $r = 0,746$ ($p = 0,01$). Using confirmatory factor analysis, a model with the following indicators was obtained: CFI 0,931; TLI 0,906; SRMR 0,053; RMSEA 0,059; lower 0,040 upper 0,078.*

Conclusions. *Despite the multiple criticisms of the original Merz and Hong's scales, we have obtained a good intermediate model that can be used as a tool, however, further refinement and verification of a number of indicators are necessary.*

Keywords: *psychological reactance; psychological reactance scale; constructive validity; test-retest reliability; internal consistency.*

For citation: Nichko N.V., Gurieva S.D. Adaptation of the Mertz–Hong Reactance Scale in a Russian-speaking Sample. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2025. Vol. 16, no. 1, pp. 193–211. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2025160111> (In Russ.).

Введение

Социальная психология традиционно уделяет значительное внимание изучению феноменов влияния и противостояния влиянию. Однако новые вызовы, обусловленные пандемией COVID-19, поставили перед учеными и обществом вопросы, требующие глубокого анализа [3].

Ограничительные меры и масштабные информационные кампании в сфере здравоохранения вызвали неоднозначную реакцию у различных групп населения [1]. С одной стороны, люди сталкивались с необходимостью соблюдения новых правил поведения, направленных на защиту здоровья. С другой стороны, возникли проблемы с восприятием этих мер, что иногда приводило к эффекту обратного воздействия — сопротивлению и отказу следовать рекомендациям. Одна из теорий, известная как теория реактивного сопротивления (The theory of psychological reactance), позволяет объяснить возникающее сопротивление с различных сторон: от особенностей ситуации воздействия, стимула, так и особенностей субъектов, на которых направлено влияние. Реактивное сопротивление — «это мотивационное состояние, представляющее собой ответ человека на угрозу потерять “свободу”» [11].

Актуальность исследования обусловлена тем, что понимание механизмов сопротивления может способствовать разработке эффективных стратегий коммуникации [19] и управления общественным поведением в условиях чрезвычайных ситуаций [4]. Более того, изучение этого явления позволяет глубже понять психологические процессы, лежащие в основе принятия решений в ситуациях, когда индивидуальные свободы вступа-

ют в конфликт с коллективными интересами. В этом контексте исследование методик, рассматривающее особенности людей, представляет особый интерес.

Все вышеназванное подтолкнуло нас к теории, которая получила значительное обсуждение на протяжении более чем 50 лет в зарубежной психологии, но на сегодняшний день оставшейся без должного освещения в отечественных исследованиях.

В зарубежных исследованиях теорию рассматривают с различных методологических позиций. Одним из направлений исследований стало рассмотрение реактивного сопротивления как личностной черты. Это привело к появлению множества опросных и других методов. Дополнительный импульс разработка теории и методов работы с сопротивлением получила во время пандемии COVID-19 [7; 8; 17; 22].

Среди опросных методов стоит отметить «Опросник для измерения психологической реактивности» Дж. Мерца (J. Merz) («Ragebogen zur Messung der Psychologischen Reactanz», QMPR) [14]; Терапевтическую шкалу реактивного сопротивления Э.Т. Дауда, К.Р. Милна и С.Л. Уайза («The Therapeutic Reactance Scale: A Measure of Psychological Reactance», TRS) [9; 10]; Зальцбургскую шкалу реактивного состояния («Salzburger State Reactance Scale», SSR Scale) [18].

В этой статье представлены обзор и адаптация одной из популярных шкал реактивного сопротивления, изначально разработанной Дж. Мерцем и позже адаптированной на нескольких выборках С.-М. Хонгом (S.-M. Hong).

В 1983 году Дж. Мерц разработал QMPR эмпирическим путем, представив 32 пункта для оценки 4-м профессио-

нальным психологам. В результате было отобрано 26 пунктов, из которых в финальную версию вошли 18.

Проверка шкалы проходила на учащихся средних школ и вузов Германии ($N = 898$), использовалась 6-балльная шкала Лайкерта: «совсем не подходит (1) «...» полностью подходит (6)». Оценки показали высокую внутреннюю согласованность α Кронбаха = 0,90, ретестовое тестирование через 2–3 недели $\alpha = 0,86$. Анализ методом главных компонент с использованием Варимакс показал, что на четырехфакторное решение приходится 53% от общей дисперсии. Проведенный факторный анализ показал, что реактивное сопротивление многомерно: исследователь обнаружил в итоге 3 фактора, лежащих в основе QMPR, однако данных о надежности каждого из факторов исследователем представлено не было [13].

В последующем ряд исследователей рассматривали факторную структуру и психометрическую стабильность опросника. Опросник Дж. Мерца перевели на английский язык и адаптировали сначала Р.К. Такер и П.У. Байерс (R.K. Tucker, P.Y. Byers) [21], а затем С.-М. Хонг: «Hong psychological reactance scale» (HPRS). На сегодняшний день в литературе чаще представлены ссылки на исследования Хонга и коллег, несмотря на то, что исследования не выявили единую факторную структуру шкалы HPRS [12; 23]. Также есть различия в использовании шкалы: исследователи в зависимости от цели и задач исследования используют не фиксированное количество пунктов, в диапазоне от 11 до 18 [23]. Возможная причина могла заключаться в использовании различных статистических методов, а также в разнице перевода. Например, показаны особенности перевода на шведский и финский язык в исследовании О. Варис

(O. Waris) и коллег и то, как это отображается в показателях при анализе шкал [23]. Й. Стегликова (J. Stehlíková) и соавторы, сравнивая результаты и факторные модели, полученные на чешской, австралийской, американской, испанской выборках, выдвинули гипотезу о связи культуры и структуры реактивного сопротивления [20].

Таким образом, шкала Мерца—Хонга (HPRS) требует дальнейших исследований с целью уточнения количества основных пунктов, входящих в нее.

Рассматривая различные модели, мы выдвинули гипотезу **Г1**: Шкала реактивного сопротивления, состоящая из 14 пунктов, покажет четырехфакторную структуру.

Т.О. Кулинкович и А.Ю. Кособуцкая, используя «Терапевтическую шкалу сопротивления», не обнаружили различий по полу в уровне реактивного сопротивления, однако отметили, что возрастная динамика реактивного сопротивления у мужчин проявляется сильнее, чем у женщин. Анализ половозрастных особенностей с периодизацией К. Уоллера показал, что более высокий уровень реактивного сопротивления наблюдается не только у лиц младше 25 лет, но и у испытуемых старше 55 лет [2]. Хотя исследования показывают, что корреляции между терапевтической шкалой и шкалой Мерца—Хонга варьируются от 0,50 до 0,58 [8; 22], П. Морейра (P. Moreira) и соавторы сообщили о высокой корреляции 0,89 между HPRS и TRS в анализе моделирования структурных уравнений на выборке подростков, но модель не показала приемлемые результаты [15]. Несмотря на использование различных шкал, мы выдвинули гипотезу.

Г2: можно предположить, что существуют различия по полу в уровне реактивного сопротивления: у мужчин средний уровень реактивного сопротивления выше, чем у женщин.

Программа исследования

Выборка. В итоговую выборку вошли 218 человек, из которых 61 мужчина (28%), 157 женщин (72%) из разных городов России (Санкт-Петербург, Москва, Новосибирск и другие города), несколько человек проживают за рубежом (Франция, Германия). Возраст — от 18 до 75 лет, $M = 35,2$; $SD = 13,3$; $Me = 28$; асимметрия $-0,837$, эксцесс $-0,488$. Среднее образование имеют 14 (6,4%) респондентов, среднее специальное — 24 (11%), неоконченное высшее — 25 (11,5%), высшее образование — 145 (66,5%), ученую степень — 10 (4,6%).

Из финальной выборки были убраны 7 респондентов с долгим и быстрым прохождением опросника (более 2 часов, менее 6 минут, среднее время заполнения опросников составляло 14 минут).

Инструментарий. В качестве теоретической и методологической основы опросника использована описательная модель реактивного сопротивления С.-М. Хонга [12]. Оригинальный опросник состоит из 14 утверждений (пунктов), которые разделены на 4 фактора: свобода выбора; поведенческая свобода; сопротивление советам и рекомендациям; неконформизм.

Процедура. Для реализации поставленных задач и проверки гипотез проведено исследование из двух этапов. На первом этапе нами был осуществлен перевод шкалы реактивного сопротивления Мерца—Хонга на русский язык. Перевод, адаптация и валидация методики проводились в несколько этапов, с использованием современных международных рекомендаций и лучших практик [5]. Перевод шкалы был осуществлен и согласован группой экспертов со степенью кандидата (3) психологических наук, магистра (2), доктора (1) психологических наук по специальности социальная психология, свободно владеющих английским языком, с уровнем С1 и выше. Эксперты были ознакомлены с

содержанием и структурой шкалы Хонга. Процедура обратного перевода не проводилась, так как основное внимание было сфокусировано не на точном соответствии и подборе слов, а на соответствии смыслового содержания представленных шкал. Процедура заключалась в следующем — сначала эксперты переводили все пункты шкалы самостоятельно, независимо друг от друга, затем был согласован смысловой перевод, после чего устранялись возможные расхождения и трудности в понимании смысла пунктов. Выбранный нами подход связан с необходимостью обеспечения адекватного и синхронного понимания смысловых стимулов, с учетом специфики русского языка, носителей русского языка (Приложение 1).

Затем мы провели пилотажное исследование ($N = 36$ человек; $M = 26,13$ лет; $SD = 4,24$; мужчин — 21,1%; женщин — 78,9%, высшее образование имеют 65,8%), в котором респондентам были предоставлены вопросы для обратной связи. После этого из опросника один из вопросов был удален, три формулировки скорректированы.

Основное исследование проводилось онлайн с февраля по август 2024 года, опросная форма была сформирована при помощи сервиса Online Test Pad. Исследование проводилось анонимно: респонденты не сообщали свои контактные данные. Также респонденты были информированы о возможности выйти из опроса в любой момент.

Респондентам была предложена инструкция: «Оцените степень своего согласия с представленными ниже суждениями, используя пятибалльную шкалу». То есть использовалась 5-балльная шкала Лайкерта: «никогда (1), иногда (2), редко (3), в большинстве случаев (4), всегда (5)». Также была предусмотрена возможность отказа от ответа: «затрудняюсь ответить/отказываюсь» на вопросы опросника

и социально-демографической анкеты. Ни один из вопросов не преодолел 5% барьера, что может говорить о ясности и корректности сформулированных вопросов. Отметим, что в других исследованиях использовались такие формулировки, как «Полностью не согласен (1) «...» полностью согласен (6)», «совсем нет (1) «...» абсолютно точно (5)» [19; 22]. Переведенный опросник был дополнен социально-демографическим блоком вопросов: пол, возраст, уровень образования, населенный пункт проживания. Суммарный балл по шкале варьировался от 25 до 70 баллов.

Обработка данных. Для обработки результатов исследования были использованы программы SPSS Statistics 26.0 и Jamovi 2.6.2.

Валидация опросника основывалась на данных опроса и включала в себя проверку факторной структуры, проверку согласованности измерений и проверку текущей валидности опросника.

Конвергентная валидность опросника должна проверяться корреляционным анализом связи полученных с ее помощью результатов с результатами, полученными при применении аналогичных или близких методик. По причине того, что в настоящий момент в русскоязычной научной литературе отсутствуют методики, изучающие и измеряющие реактивное сопротивление, эта задача нами определена для дальнейших исследований.

Текущая валидность тестировалась при помощи корреляционного анализа связи между результатами двух измерений опросника на пилотажной и основной выборках.

Внутренняя согласованность (надежность) опросника С.-М. Хонга оценивалась расчетом коэффициентов альфа Кронбаха и омега Макдональда, факторная структура – при помощи конфирматорного факторного анализа основной и контрольной выборок исследования.

Результаты

Шкала реактивного сопротивления показала хорошую внутреннюю согласованность ($a = 0,812$, стандартизованная $a = 0,818$). Омега Макдональда = 0,821. Коэффициент r -Спирмена–Брауна (метод расщепления) = 0,797, коэффициент Гуттмана = 0,797. Повторное тестирование спустя 4–5 недель (48 человек), ретестовая надежность, коэффициент r -Пирсона, составила $r = 0,746$ ($p = 0,01$).

Проверка на нормальность: критерий сферичности Бартлетта равен 531,042 при $p = 0,000$ и мера адекватности выборки КМО = 0,796 показали приемлемые результаты для проведения факторного анализа. Проверка факторной структуры осуществлялась с помощью конфирматорного факторного анализа (КФА).

В начале КФА была проверена модель, которую предложил Хонг [12], однако она показала неудовлетворительные результаты (табл. 3, модель № 1): $CFI = 0,822$, $TLI = 0,722$, $RMSEA = 0,088$, $SRMR = 0,068$, то есть все показатели ниже необходимого уровня.

Поэтому мы обратились к анализу с помощью метода главных компонент (результаты представлены в табл. 1), вращение Варимакс, что позволило установить 4-факторную структуру, объясняющую 57,4% дисперсии.

Пункт шкалы 2 «*Меня возбуждает вступление в противоречие с другими*» показывал противоречивые значения по компонентам (Приложение 2). Скорее всего, это связано с некорректно выбранным переводом пункта. Мы решили проверить и сравнить модель с четырнадцатью пунктами (модель № 2) и тринадцатью, исключив пункт 2 (модель № 3). Результаты представлены в табл. 3. Визуализация представлена на рис. 1.

В табл. 2 представлены индексы модификации между пунктами шкалы (вопросами), превышающие 10.

Таблица 1

Результаты эксплораторного факторного анализа

Компонент	Значение	% дисперсии	Суммарный %
1	4,279	30,567	30,567
2	1,517	10,835	41,402
3	1,140	8,141	49,543
4	1,105	7,893	57,435

Примечание: метод извлечения факторов – метод главных компонент.

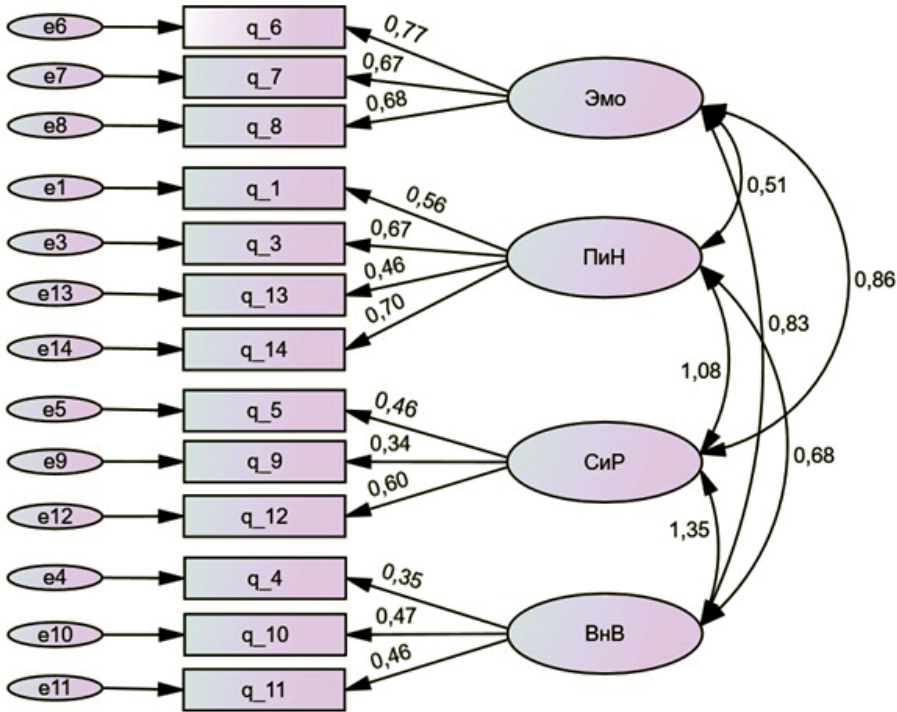

Рис. 1. Модель № 3: Эмо – эмоциональная реакция на ограничение выбора; ПиН – нежелание подчиняться правилам и нормам; СиР – сопротивление советам и рекомендациям; ВнВ – противодействие внешнему влиянию

Можно предположить, что индексы модификации между вопросами 5 и 7, 11 и 12 могут объясняться данными, полученными в ходе коммуникативных исследований реактивного сопротивления. Например, подход, рассматривающий нарративные сообщения (повествовательные нарративы), которые

представляют связанные события и персонажей, имеют структуру, представленность конкретного времени и места действия. В отличие от дидактического или объясняющего подхода нарративные сообщения вызывают меньшее сопротивление [12]. Возможные причины могут быть в том, что история увлекает

Индексы модификации между вопросами > 10

Индексы модификации	Формулировки вопросов
Q5 и Q7 (13,073)	Q5: «Я воспринимаю чужие советы как вмешательство в мои дела» Q7: «Меня раздражает, когда кто-то указывает на вещи, которые для меня очевидны»
Q11 и Q12 (12,875)	Q11: «Я сопротивляюсь чужим попыткам повлиять на меня» Q12: «Меня злит, когда кого-то преподносят мне как образец для подражания»

в познавательный процесс, снижает способность негативного реагирования, обходя критическую оценку стимульного материала. Также показали эффективность ссылки на значимых других: «Когда ваши дети, внуки или друзья видят, как вы выбираете блюда, какие уроки они извлекают из этого? Подумайте о них, когда будете брать вторую порцию или сладкое» [15]. Вполне возможно, что преподнесение кого-либо в качестве образца для подражания может восприниматься как влияние извне, восприниматься как совет, который вмешивается в личную сферу.

Итак, улучшение модели стало возможным с добавлением коррелятов (рис. 2) между пунктами шкалы, в табл. 3 представлена как модель № 4.

Нами отмечается улучшение во всех метриках качества представленной модели № 4 (табл. 3): *RMSEA* упала с 0,067 до 0,062; *SRMR* незначительно, но упал с 0,056 до 0,053; *CFI* вырос с 0,910 до 0,931, а *TLI* — с 0,881 до 0,906. Все эти значения превосходят пороговые, что может говорить о хорошем качестве моделей.

В табл. 4 представлены описательные статистики, три фактора из четырех находятся в диапазоне от -1 до 1 по эксцессу и асимметрии, кроме фактора 2 «Нежелание подчиняться правилам и нормам», эксцесс которого составил 1,96.

В табл. 5 представлена матрица корреляций между полученными факторами.

Таким образом, модель № 4 с такими показателями принята нами как при-

Таблица 3

Результаты конфирматорного факторного анализа моделей структуры опросника реактивного сопротивления (основная выборка, N = 218)

Модель	χ^2	<i>df</i>	<i>p</i>	<i>CFI</i>	<i>TLI</i>	<i>RMSEA</i>	90% <i>CI</i>	<i>SRMR</i>
Модель № 1 (по оригинальной модели)	191	71	0,001	0,822	0,772	0,088	0,073–0,103	0,068
Модель № 2 (14 пунктов)	142	67	0,001	0,890	0,850	0,071	0,055–0,087	0,060
Модель № 3 (13 пунктов)	117	59	0,001	0,910	0,881	0,0671	0,0491–0,0849	0,056
Модель № 4 (13 пунктов)	101	57	0,001	0,931	0,906	0,059	0,040–0,078	0,053

Примечание: *CFI* — сравнительный индекс согласия Бентлера; *TLI* — индекс Такера–Льюиса; *RMSEA* — корень среднеквадратичного остатка; *CI* — доверительный интервал; *SRMR* — стандартизованный корень среднеквадратичного остатка.

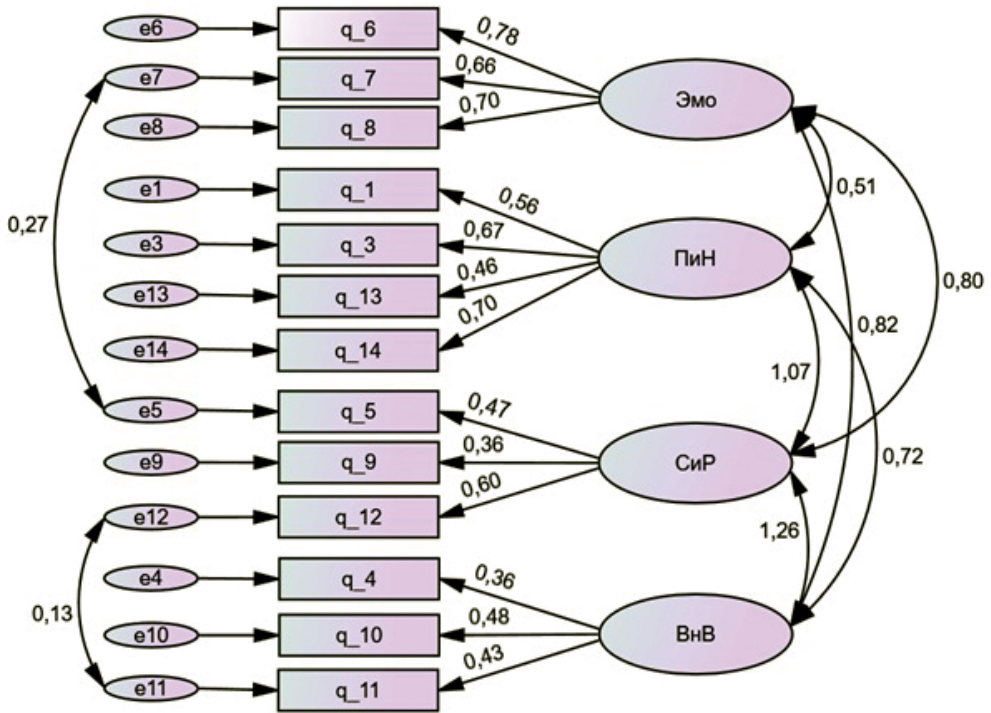

Рис. 2. Визуализация модифицированной модели: Эмо – эмоциональная реакция на ограничение выбора; ПиН – нежелание подчиняться правилам и нормам; СиР – сопротивление советам и рекомендациям; ВнВ – противодействие внешнему влиянию

емлемая. Г1 подтвердилась частично. Шкала из 13 пунктов показала четырехфакторное решение с помощью анализа главных компонент и вращения Вари-

макс с нормализацией Кайзера. В конфирматорном факторном анализе шкала из 13 пунктов (убран пункт 2) показала четырехфакторную структуру.

Таблица 4

Описательные статистики факторов

Фактор	Среднее	Медиана	Мода	Стандартное отклонение	Экссесс	Асимметрия
Эмоциональная реакция на ограничение выбора	11,17	11,00	11,00	2,50	0,09	-0,56
Нежелание подчиняться правилам и нормам	9,38	9,00	9,00	2,58	1,96*	0,83
Сопротивление советам и рекомендациям	9,38	9,00	9,00	2,00	-0,29	0,16
Противодействие внешнему влиянию	10,35	10,50	12,00	2,27	-0,63	-0,21

Фактор	Среднее	Медиана	Мода	Стандартное отклонение	Экссесс	Асимметрия
Общий балл реактивного сопротивления	3,28	3,28	3,07	0,58	0,42	0,20

Примечание: * — показатель, выходящий за пределы диапазона от -1 до 1 по эксцессу.

Таблица 5

Корреляции между факторами

Фактор	Общий балл	Эмо	ПиН	СиР
Эмо	0,761***	—		
ПиН	0,754***	0,367***	—	
СиР	0,834***	0,513***	0,594***	—
ВнВ	0,726***	0,473***	0,334***	0,533***

Примечание: Эмо — эмоциональная реакция на ограничение выбора; ПиН — нежелание подчиняться правилам и нормам; СиР — сопротивление советам и рекомендациям; ВнВ — противодействие внешнему влиянию; Общий балл — общий балл по шкале реактивного сопротивления; *** — $p < 0,001$ (односторонняя).

Для выявления возможных связей между социально-демографическими показателями мы сравнили респондентов по полу, применив однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA). Результат $p = 0,013$ ($F = 6,30$). Табл. 6 показывает, что у респондентов-женщин среднее значение реактивного сопротивления выше, чем у мужчин.

Таким образом, Г2 не подтвердилась. Наоборот, у мужчин средние значения реактивного сопротивления оказались ниже, чем у женщин.

Мы также проверили связи реактивного сопротивления с уровнем образования и возрастом. Связи с уровнем

образования выявлено не было. Множественные сравнения с помощью критерия Шеффе в разных возрастных группах показали статистически значимую разницу в уровне сопротивления только между группами 25–34 лет и 55–64 года ($M = 3,428$ и $2,851$ соответственно), $p = 0,012$. Это отличается от данных, представленных Т.О. Кулинкович и А.Ю. Кособуцкой, которые показали, что у испытуемых младше 25 и старше 55 лет наблюдается более высокий уровень реактивного сопротивления [2].

Проверка согласованности. Согласованность измерений опросника проверялась при помощи расчета ко-

Таблица 6

Описательные статистики респондентов по полу ($N = 218$)

Описательные статистики	Женщины	Мужчины
N	157	61
M	3,350	3,131
SD	0,560	0,618
Дисперсия	0,314	0,382

Примечание: N — объем выборки; M — среднее значение; SD — стандартное отклонение.

эффициентов альфа Кронбаха и омега Макдональда. В целом по опроснику Кронбаха равняется 0,812 (стандартизированная $\alpha = 0,818$). Омега Макдональда = 0,821. Показатели согласованности в целом и для разделенного на субшкалы опросника приведены в табл. 7.

Обсуждение результатов

В нашем исследовании было показано, что четырехфакторная структура шкалы, заложенная авторами оригинальной методики, воспроизводится на русскоязычной выборке, однако есть особенности. Для ответов предлагалась шкала Лайкерта из 5 пунктов: «никогда (1), иногда (2), редко (3), в большинстве случаев (4), всегда (5)». Это отличается от предыдущих исследований, в которых использовались такие формулировки, как «Полностью не согласен (1) «...» полностью согласен (6)», «совсем нет (1) «...» абсолютно точно (5)». Статистика соответствия модели, в которой пункты объединялись по изначально предложенным факторам Хонга, не показала приемлемых результатов (табл. 3).

При осуществлении валидации методики проверена внутренняя структура, ретестовая надежность шкалы Мерца—Хонга. Надежность шкалы в целом α Кронбаха составила 0,812, Омега Макдональда = 0,821. Коэффициент r -Спирмена—Брауна (метод расщепления) = 0,797, коэффициент Гуттма-

на = 0,797. Ретестовая надежность спустя 4–5 недель (48 человек), коэффициент r -Пирсона = 0,746 при $p = 0,01$. Не все показатели имеют достаточно хорошие результаты по надежности.

Проведенное исследование поставило перед нами некоторые вопросы. Шкала Мерца—Хонга критикуется рядом авторов за недостаточно высокие психометрические показатели. Стоит согласиться с некоторыми тезисами. Действительно, шкала нуждается в улучшениях. Следует в дальнейшем проверить гипотезу, как с течением времени и ряда факторов могло произойти смещение в показателях каждого респондента. В этом исследовании нам не удалось узнать факторы, которые могли быть связаны с изменением баллов в ретестовых замерах, то есть с течением времени.

Шкала не сбалансирована по негативным и позитивным формулировкам, нет данных о социальной желательности ответов. В дальнейшем мы планируем исправить эти ограничения и исследовать применение теории реактивного сопротивления в практической деятельности.

На сегодняшний день нет четкого понимания, как рассматривать реактивное сопротивление: как состояние, в котором пребывает человек, либо же как черту личности.

Факторный анализ также поставил ряд вопросов. С одной стороны, не лишено смысла объединить вопросы по

Таблица 7

Показатели согласованности субшкал и шкалы

Субшкала	α Кронбаха	ω Макдональда
Эмоциональная реакция на ограничение выбора	0,742	0,756
Нежелание подчиняться правилам и нормам	0,688	0,689
Сопротивление советам и рекомендациям	0,425	0,452
Противодействие внешнему влиянию	0,420	0,433
Общий показатель по шкале	0,812	0,821

их аффективной, когнитивной и поведенческой направленности. К примеру, поведенческий фактор: *«Когда кто-то заставляет меня что-то делать, мне хочется поступить наоборот»*; *«Советы и рекомендации побуждают меня поступать наоборот»*; *«Я сопротивляюсь чужим попыткам повлиять на меня»*; когнитивный: *«Если мне что-то запрещают, то я думаю: “Это именно то, что я и сделаю”»*; *«Я воспринимаю чужие советы как вмешательство в мои дела»*; *«Мысль зависимости от других меня тяготит»*.

Однако только 3 вопроса по такому принципу показали высокие корреляции. Мы так же протестировали модели по такому принципу, но показатели по всем 4 характеристикам (*RMSEA*, *SRMR*, *CFI*, *TLI*) не были удовлетворительными. Можно предположить, что объединение в факторы происходило по вопросам, включавшим все три выделенных аспекта — когнитивный, поведенческий и эмоциональный. Кроме фактора «Эмоциональная реакция на ограничение выбора», в котором все пункты относятся к эмоциональным проявлениям (*«Я расстраиваюсь, когда не могу принять свободные и независимые решения»*; *«Меня раздражает, когда кто-то указывает на вещи, которые для меня очевидны»*; *«Я злюсь, когда ограничивают мою свободу выбора»*). В дальнейшем стоит изменить формулировки, как минимум пункта 2 (*«Меня возбуждает вступление в противоречие с другими»*), который был убран из финальной модели, хотя показатели и с этим пунктом приемлемые (Приложение 3). Скорее всего, это связано с некорректно выбранной формулировкой, которую следует проверить в дальнейшем. Мы предполагаем, что формулировка *«Мне нравится противоречить окружающим»* могла бы показать

нагрузку на фактор «Сопротивление советам и рекомендациям».

Кроме этого, шкалу возможно дополнить несколькими пунктами из самого раннего перевода шкалы Дж. Мерца, предложенного К. Такером и П.У. Байерсом [21].

Мы также не можем утверждать о полном соответствии переведенной и предложенной русскоязычной версии оригиналу, поскольку нами было выявлено, что из 14 пунктов шкалы осталось 13 пунктов, один из которых не вошел в финальную модель, что требует уточнения и объяснения в дальнейшем исследовании. В результате нами принято следующее решение — доработать пункт, который в оригинальной версии присутствует, но выпал в русскоязычной версии.

Внося вклад в эту малоизученную отечественными психологами область, мы надеемся на продолжение исследований конструкта реактивного сопротивления, его дифференциацию или соотнесение с существующими понятиями в отечественной теоретической традиции.

Выводы

1. Русскоязычная версия шкалы реактивного сопротивления показала хорошую внутреннюю согласованность ($\alpha = 0,812$, стандартизированная $\alpha = 0,818$), омега Макдональда = 0,821. Ретестовая надежность, коэффициент r -Пирсона, $r = 0,746$ при $p = 0,01$.

2. Гипотезы исследования подтвердились частично.

2.1. Наилучшее соответствие показала модель, состоящая из 13 пунктов шкалы, включающая 4 фактора.

2.2. Показатели реактивного сопротивления у женщин статистически значимо выше, чем у мужчин.

2.3. Выявлено, что уровень сопротивления в возрастной группе 25–34 выше,

чем в группе 55–64 года, что соотносится с данными о наличии возрастных «пиков», однако отличается от данных других исследований.

Ограничения исследования

Исследование имеет ряд ограничений. Одним из них является выборка, на которой происходили проверки моделей, включающая преимущественно женщин (157 человек – 72%). Это замечание является особенно важным, учитывая обнаруженные различия между мужчинами и женщинами в уровне реактивного сопротивления. Большая часть выборки (50%) – жители крупных городов

(Санкт-Петербурга, Москвы, Новосибирска, Екатеринбурга), имеющие высшее образование (66,5%).

Кроме этого, стоит отметить объем выборки $N = 218$, который может быть недостаточен с некоторых методологических позиций для проведения факторного анализа при большом количестве переменных.

Межфакторные корреляции ставят вопрос, можно ли их считать независимыми подшкалами? Ответ мог бы дать ценную информацию о составляющих шкалы, измеряющих реактивное сопротивление. Этот вопрос мы планируем исследовать в дальнейшем.

Приложение 1

Шкала реактивного сопротивления Мерца–Хонга

Здравствуйте, уважаемый участник! Этот опрос посвящен особенностям общения. Пожалуйста, оцените степень своего согласия с представленными ниже суждениями, используя пятибалльную шкалу:

1	2	3	4	5
Никогда	Редко	Иногда	В большинстве случаев	Всегда

Вашим ответом будет выбор одного из баллов шкалы: 1, 2, 3, 4 или 5. Отметьте выбранный балл.

Заранее благодарим за сотрудничество!

№	Вопрос	Никогда	Редко	Иногда	В большинстве случаев	Всегда
1	Правила вызывают у меня чувство сопротивления	1	2	3	4	5
2	Мне нравится противоречить окружающим ¹	1	2	3	4	5
3	Если мне что-то запрещают, то я думаю: «Это именно то, что я и сделаю»	1	2	3	4	5
4	Мысль зависимости от других меня тяготит	1	2	3	4	5

¹ Мы предлагаем заменить перевод пункта 2 на этот вариант для избежания неоднозначности понимания. При включении пункта в таком виде следует проверить факторную структуру, поэтому пункт не представлен в ключе.

№	Вопрос	Никогда	Редко	Иногда	В большинстве случаев	Всегда
5	Я воспринимаю чужие советы как вмешательство в мои дела	1	2	3	4	5
6	Я расстраиваюсь, когда не могу принимать свободные и независимые решения	1	2	3	4	5
7	Меня раздражает, когда кто-то указывает на вещи, которые для меня очевидны	1	2	3	4	5
8	Я злюсь, когда ограничивают мою свободу выбора	1	2	3	4	5
9	Советы и рекомендации побуждают меня поступать наоборот	1	2	3	4	5
10	Я удовлетворен(а), только когда действую по собственной воле	1	2	3	4	5
11	Я сопротивляюсь чужим попыткам повлиять на меня	1	2	3	4	5
12	Меня злит, когда кого-то преподносят мне как образец для подражания	1	2	3	4	5
13	Когда кто-то заставляет меня что-то делать, мне хочется поступить наоборот	1	2	3	4	5
14	Меня разочаровывает, когда я вижу, как другие подчиняются стандартам и правилам общества	1	2	3	4	5

Ключ

Субшкала	Пункты
Нежелание подчиняться правилам и нормам	1, 3, 13, 14
Противостояние внешнему влиянию	4, 10, 11
Сопrotивление советам и рекомендациям	5, 9, 12
Эмоциональная реакция на ограничение выбора	6, 7, 8

Приложение 2

Факторы и факторные нагрузки пунктов шкалы реактивного сопротивления

Фактор	Пункт шкалы	Факторная нагрузка
1	2	3
Эмоциональная реакция на ограничение выбора	6. Я расстраиваюсь, когда не могу принимать свободные и независимые решения	0,798*
	7. Меня раздражает, когда кто-то указывает на вещи, которые для меня очевидны	0,652*
	8. Я злюсь, когда ограничивают мою свободу выбора	0,699*

1	2	3
Нежелание подчиняться правилам и нормам	1. Правила вызывают у меня чувство сопротивления	0,548*
	3. Если мне что-то запрещают, то я думаю: «Это именно то, что я и сделаю»	0,675*
	13. Когда кто-то заставляет меня что-то делать, мне хочется поступить наоборот	0,444*
	14. Меня разочаровывает, когда я вижу, как другие подчиняются стандартам и правилам общества	0,707*
Спротивление советам и рекомендациям	5. Я воспринимаю чужие советы как вмешательство в мои дела	0,484*
	9. Советы и рекомендации побуждают меня поступать наоборот	0,411*
	12. Меня злит, когда кого-то преподносят мне как образец для подражания	0,622*
Противостояние внешнему влиянию	4. Мысль зависимости от других меня тяготит	0,356*
	10. Я удовлетворен(а), только когда действую по собственной воле	0,492*
	11. Я сопротивляюсь чужим попыткам повлиять на меня	0,417*
Исключенные пункты	2. Меня возбуждает вступление в противоречие с другими	

* – $p < 0,001$.

Приложение 3

Оригинальные пункты и перевод шкалы

Оригинальный пункт	Субшкала	Перевод	Субшкала
1	2	3	4
1. Regulations trigger a sense of resistance in me	Factor 2: Conformity Reactance	1. Правила вызывают у меня чувство сопротивления	Фактор 2: Нежелание подчиняться правилам и нормам
2. I find contradicting others stimulating	Factor 2: Conformity Reactance	2. Меня возбуждает вступление в противоречие с другими	—
3. When something is prohibited, I usually think "that's exactly what I'm going to do."	Factor 2: Conformity Reactance	3. Если мне что-то запрещают, то я думаю: «Это именно то, что я и сделаю»	Фактор 2: Нежелание подчиняться правилам и нормам
4. The thought of being dependent on others aggravates me	Factor 1: Freedom of Choice	4. Мысль зависимости от других меня тяготит	Фактор 4: Противостояние внешнему влиянию
5. I consider advice from others to be an intrusion	Factor 4: Reactance to Advice and Recommendations	5. Я воспринимаю чужие советы как вмешательство в мои дела	Фактор 3: Спротивление советам и рекомендациям
6. I become frustrated when I am unable to make free and independent decisions	Factor 1: Freedom of Choice	6. Я расстраиваюсь, когда не могу принимать свободные и независимые решения	Фактор 1: Эмоциональная реакция на ограничение выбора

1	2	3	4
7. It irritates me when someone points out things which are obvious to me	Factor 4: Reactance to Advice and Recommendations	7. Меня раздражает, когда кто-то указывает на вещи, которые для меня очевидны	Фактор 1: Эмоциональная реакция на ограничение выбора
8. I become angry when my freedom of choice is restricted	Factor 1: Freedom of Choice	8. Я злюсь, когда ограничивают мою свободу выбора	Фактор 1: Эмоциональная реакция на ограничение выбора
9. Advice and recommendations induce me to do just the opposite	Factor 4: Reactance to Advice and Recommendations	9. Советы и рекомендации побуждают меня поступать наоборот	Фактор 3: Сопротивление советам и рекомендациям
10. I am content only when I am acting of my own free will	Factor 1: Freedom of Choice	10. Я удовлетворен(а), только когда действую по собственной воле	Фактор 4: Противостояние внешнему влиянию
11. I resist the attempts of others to influence me	Factor 3: Behavioural Freedom	11. Я сопротивляюсь чужим попыткам повлиять на меня	Фактор 4: Противостояние внешнему влиянию
12. It makes me angry when another person is held up as a model for me to follow	Factor 3: Behavioural Freedom	12. Меня злит, когда кого-то преподносят мне как образец для подражания	Фактор 3: Сопротивление советам и рекомендациям
13. When someone forces me to do something, I feel like doing the opposite	Factor 3: Behavioural Freedom	13. Когда кто-то заставляет меня что-то делать, мне хочется поступить наоборот	Фактор 2: Нежелание подчиняться правилам и нормам
It disappoints me to see others submitting to society's standards and rules	Factor 3: Behavioural Freedom	14. Меня разочаровывает, когда я вижу, как другие подчиняются стандартам и правилам общества	Фактор 2: Нежелание подчиняться правилам и нормам

Литература

1. Байрамова Ю.В., Рагимова А.Г. Индивидуальные установки взрослого населения к протективному поведению в ситуации пандемии COVID-2019 // Социальная психология и общество. 2021. Том 12. № 2. С. 78–93. DOI:10.17759/sps.2021120205
2. Куликович Т.О., Кособуцкая А.Ю. Реактивное сопротивление в служебных отношениях // Философия и социальные науки. 2013. № 3/4. С. 68–77.
3. Сариева И.Р., Богатырева Н.И. Оправдание системы и поддержка ограничений, связанных с коронавирусом: роль доверия государству и веры в теории заговора // Социальная психология и общество. 2021. Том 12. № 3. С. 59–73. DOI:10.17759/sps.2021120305
4. Aguirre-Camacho A. et al. Revisiting psychological reactance theory: relationship between psychological reactance and health-related attitudes/behaviors in the context of the COVID-19 pandemic // Current Psychology. 2024. Vol. 43. P. 35697–35708. DOI:10.1007/s12144-024-06810-y
5. Coskun Benlidayi I., Gupta L. Translation and Cross-Cultural Adaptation: A Critical Step in Multi-National Survey Studies // J Korean Med Sci. 2024. Vol. 39(49): e336. DOI:10.3346/jkms.2024.39.e336
6. De Las Cuevas C. et al. Psychological reactance in psychiatric patients: Examining the dimensionality and correlates of the Hong psychological reactance scale in a large clinical

- sample // Personality and Individual Differences. 2014. Vol. 70. P. 85–91. DOI:10.1016/j.paid.2014.06.027
7. *Diaz R., Cova F.* Reactance, morality, and disgust: The relationship between affective dispositions and compliance with official health recommendations during the COVID-19 pandemic // *Cognition & Emotion*. 2022. Vol. 36. № 1. P. 120–136. DOI:10.1080/02699931.2021.1941783
 8. *Dillard J.P. et al.* Persuasive messages, social norms, and reactance: A study of masking behavior during a COVID-19 campus health campaign // *Health Communication*. 2023. Vol. 38. № 7. P. 1338–1348. DOI:10.1080/10410236.2021.2007579
 9. *Dowd E.T. et al.* Psychological reactance and its relationship to normal personality variables // *Cognitive Therapy and Research*. 1994. Vol. 18. № 6. P. 601–612. DOI:10.1007/BF02355671
 10. *Dowd E.T., Milne C.R., Wise S.L.* The therapeutic reactance scale: A measure of psychological reactance // *Journal of Counseling & Development*. 1991. Vol. 69. P. 541–545. DOI:10.1002/j.1556-6676.1991.tb02638.x
 11. *Haidong L.* Psychological Reactance. In: *The ECPH Encyclopedia of Psychology*. Springer, Singapore. 2024. DOI:10.1007/978-981-99-6000-2_228-1
 12. *Hong S.-M., Page S.* A psychological reactance scale: Development, factor structure and reliability // *Psychological Reports*. 1989. Vol. 64. № 3. P. 1323–1326. DOI:10.2466/pr0.1989.64.3c.1323
 13. *Ko Y. et al.* The persuasive effects of social media narrative PSAs on COVID-19 vaccination intention among unvaccinated young adults: the mediating role of empathy and psychological reactance // *Journal of Social Marketing*. 2023. Vol. 13. № 4. P. 490–509. DOI:10.1108/JSOCM-09-2022-0185
 14. *Merz J.* Fragebogen zur Messung der psychologischen Reaktanz // *Diagnostica*. 1983. Vol. 29. № 1. P. 75–82.
 15. *Moreira P., Cunha D., Inman R.A.* Addressing a Need for Valid Measures of Trait Reactance in Adolescents: A Further Test of the Hong Psychological Reactance Scale // *Journal of Personality Assessment*. 2019. Vol. 102. № 3. P. 357–369. DOI:10.1080/00223891.2019.1585360
 16. *Moyer-Gusé E., Nabi R.L.* Explaining the effects of narrative in an entertainment television program: Overcoming resistance to persuasion // *Human Communication Research*. 2010. Vol. 36. № 1. P. 26–52. DOI:10.1111/j.1468-2958.2009.01367.x
 17. *Plohl N., Musil B.* Trust in science moderates the effects of high/low threat communication on psychological reactance to COVID-19-related public health messages // *Journal of Communication in Healthcare*. 2023. Vol. 16. № 4. P. 401–411. DOI:10.1080/17538068.2023.2279395
 18. *Sittenthaler S. et al.* Salzburger state reactance scale (SSR Scale): Validation of a Scale Measuring State Reactance // *Zeitschrift für Psychologie*. 2015. Vol. 223. № 4. P. 257–266. DOI:10.1027/2151-2604/a000227
 19. *Sprengholz P., Tannert S., Betsch C.* Explaining Boomerang Effects in Persuasive Health Communication: How Psychological Reactance to Healthy Eating Messages Elevates Attention to Unhealthy Food // *Journal of Health Communication*. 2023. Vol. 28. № 6. P. 384–390. DOI:10.1080/10810730.2023.2217098
 20. *Stehlíková J. et al.* Hong Psychological Reactance Scale: Factorial structure and measurement invariance of the Czech version // *Československá psychologie*. 2020. Vol. 64. № 6. P. 656–667.
 21. *Tucker R.K., Byers P.Y.* Factorial validity of Merz's psychological reactance scale // *Psychological Reports*. 1987. Vol. 61. № 3. P. 811–815.
 22. *Verpaalen I.A.M. et al.* Psychological reactance and vaccine uptake: a longitudinal study // *Psychology & Health*. 2023. P. 1–21. DOI:10.1080/08870446.2023.2190761
 23. *Waris O. et al.* The factorial structure of the Hong Psychological Reactance Scale in two Finnish samples // *Nordic Psychology*. 2020. Vol. 73. № 1. P. 68–90. DOI:10.1080/19012276.2020.1800508
 24. *Yost A.B., Finney S.J.* Assessing the unidimensionality of trait reactance using a multifaceted model assessment approach // *Journal of Personality Assessment*. 2018. Vol. 100. № 2. P. 186–196. DOI:10.1080/00223891.2017.1280044

References

1. Bayramova Y.V., Rahimova A.G. Individual'nye ustanovki vzroslogo naseleniya k protektivnomu povedeniyu v situatsii pandemii COVID-2019 [Individual Attitude towards Protective Behavior during COVID-2019 Pandemic in Adult Population]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2021. Vol. 12, no. 2, pp. 78–93. DOI:10.17759/sps.2021120205 (In Russ.).
2. Kulinkovich T.O., Kosobutskaya A.Yu. Reaktivnoe soprotivlenie v sluzhebnykh otnosheniyakh [Reactive resistance in official relations]. *Filosofiya i sotsial'nye nauki = Philosophy and Social Sciences*, 2013, no. 3/4, pp. 68–77. (In Russ.).
3. Sarieva I.R., Bogatyreva N.I. Opravdanie sistemy i podderzhka ogranichenii, svyazannykh s koronavirusom: rol' doveriya gosudarstvu i very v teorii zagovora [System Justification and Coronavirus Restrictions Support: the Role of Government Trust and Conspiracy Belief]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2021. Vol. 12, no. 3, pp. 59–73. DOI:10.17759/sps.2021120305 (In Russ.).
4. Aguirre-Camacho A. et al. Revisiting psychological reactance theory: relationship between psychological reactance and health-related attitudes/behaviors in the context of the COVID-19 pandemic. *Current Psychology*. 2024. Vol. 43, pp. 35697–35708. DOI:10.1007/s12144-024-06810-y
5. Coskun Benlidayi I., Gupta L. Translation and Cross-Cultural Adaptation: A Critical Step in Multi-National Survey Studies. *J Korean Med Sci.*, 2024. Vol. 39(49): e336. DOI:10.3346/jkms.2024.39.e336
6. De las Cuevas C. et al. Psychological reactance in psychiatric patients: Examining the dimensionality and correlates of the Hong psychological reactance scale in a large clinical sample. *Personality and Individual Differences*, 2014. Vol. 70, pp. 85–91. DOI:10.1016/j.paid.2014.06.027
7. Diaz R., Cova F. Reactance, morality, and disgust: The relationship between affective dispositions and compliance with official health recommendations during the COVID-19 pandemic. *Cognition & Emotion*, 2022. Vol. 36, no. 1, pp. 120–136. DOI:10.1080/02699931.2021.1941783
8. Dillard J.P. et al. Persuasive messages, social norms, and reactance: A study of masking behavior during a COVID-19 campus health campaign. *Health Communication*, 2023. Vol. 38, no. 7, pp. 1338–1348. DOI:10.1080/10410236.2021.2007579
9. Dowd E.T. et al. Psychological reactance and its relationship to normal personality variables. *Cognitive Therapy and Research*, 1994. Vol. 18, no. 6, pp. 601–612. DOI:10.1007/BF02355671
10. Dowd E.T., Milne C.R., Wise S.L. The therapeutic reactance scale: A measure of psychological reactance. *Journal of Counseling & Development*, 1991. Vol. 69, pp. 541–545. DOI:10.1002/j.1556-6676.1991.tb02638.x
11. Haidong L. Psychological Reactance. In: *The ECPH Encyclopedia of Psychology*. Springer, Singapore. 2024. DOI:10.1007/978-981-99-6000-2_228-1
12. Hong S.-M., Page S. A psychological reactance scale: Development, factor structure and reliability. *Psychological Reports*. 1989. Vol. 64, no. 3, pp. 323–326. DOI:10.2466/pr0.1989.64.3c.1323
13. Ko Y. et al. The persuasive effects of social media narrative PSAs on COVID-19 vaccination intention among unvaccinated young adults: the mediating role of empathy and psychological reactance. *Journal of Social Marketing*. 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 490–509. DOI:10.1108/JSOCM-09-2022-0185
14. Merz J. Fragebogen zur Messung der psychologischen Reaktanz. *Diagnostica*, 1983. Vol. 29(1), pp. 75–82.
15. Moreira P., Cunha D., Inman R.A. Addressing a Need for Valid Measures of Trait Reactance in Adolescents: A Further Test of the Hong Psychological Reactance Scale. *Journal of Personality Assessment*, 2019. Vol. 102, no. 3, pp. 357–369. DOI:10.1080/00223891.2019.1585360
16. Moyer-Gusé E., Nabi R.L. Explaining the effects of narrative in an entertainment television program: Overcoming resistance to persuasion. *Human communication research*, 2010. Vol. 36, no. 1, pp. 26–52. DOI:10.1111/j.1468-2958.2009.01367.x

17. Plohl N., Musil B. Trust in science moderates the effects of high/low threat communication on psychological reactance to COVID-19-related public health messages. *Journal of Communication in Healthcare*, 2023. Vol. 16, no. 4, pp. 401–411. DOI:10.1080/17538068.2023.2279395
18. Sittenthaler S. et al. Salzburger state reactance scale (SSR Scale): Validation of a Scale Measuring State Reactance. *Zeitschrift für Psychologie*, 2015. Vol. 223, no. 4, pp. 257–266. DOI:10.1027/2151-2604/a000227
19. Sprengelholz P., Tannert S., Betsch C. Explaining Boomerang Effects in Persuasive Health Communication: How Psychological Reactance to Healthy Eating Messages Elevates Attention to Unhealthy Food. *Journal of Health Communication*, 2023. Vol. 28, no. 6, pp. 384–390. DOI:10.1080/10810730.2023.2217098
20. Stehliková J. et al. Hong Psychological Reactance Scale: Factorial structure and measurement invariance of the Czech version. *Československá psychologie*, 2020. Vol. 64, no. 6, pp. 656–667.
21. Tucker R.K., Byers P.Y. Factorial validity of Merz's psychological reactance scale. *Psychological Reports*, 1987. Vol. 61, no. 3, pp. 811–815.
22. Verpaalen I.A.M. et al. Psychological reactance and vaccine uptake: a longitudinal study. *Psychology & Health*, 2023, pp. 1–21. DOI:10.1080/08870446.2023.2190761
23. Waris O. et al. The factorial structure of the Hong Psychological Reactance Scale in two Finnish samples. *Nordic Psychology*, 2020. Vol. 73, no. 1, pp. 68–90. DOI:10.1080/19012276.2020.1800508
24. Yost A.B., Finney S.J. Assessing the unidimensionality of trait reactance using a multifaceted model assessment approach. *Journal of Personality Assessment*, 2018. Vol. 100, no. 2, pp. 186–196. DOI:10.1080/00223891.2017.1280044

Информация об авторах

Ничко Никита Владимирович, аспирант, факультет психологии, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет» (ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-6637-9238>, e-mail: st070237@student.spbu.ru

Гуриева Светлана Дзахотовна, доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой социальной психологии, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет» (ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4305-432X>, e-mail: s.gurievsv@spbu.ru

Information about the authors

Nikita V. Nichko, Postgraduate Student, Department of Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-6637-9238>, e-mail: nichko.n@yandex.ru

Svetlana D. Gurieva, Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Social Psychology, Department of Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4305-432X>, e-mail: s.gurievsv@spbu.ru

Получена 27.12.2024

Received 27.12.2024

Принята в печать 14.03.2025

Accepted 14.03.2025